

детельствующие о зависимости жанрового разнообразия РР от характера отношений между партнерами коммуникативного акта (см. с. 233—234).

Е. А. Земская, анализируя особенности непринужденного диалога, обращает внимание на такое важное отличительное его свойство, как политематичность: собеседники могут вести диалог сразу по двум (реже по нескольким) темам, и это не ведет к нарушению коммуникативного контакта, к непониманию.

Речевому жанру, который до сих пор не попадал в поле зрения исследователей, посвятила свою статью О. П. Ермакова: она описывает особенности разговоров человека с домашними животными. Эти разговоры имеют несколько функций (разговор с животным как форма общения с его хозяином, как способ выражения своих чувств по отношению к собаке, кошке и т. д.), они содержат вопросы, восклицания, просьбы, укор, негодование, умиление и многое другое, что свидетельствует о значительном своеобразии этого жанра речи, в котором для говорящего в наибольшей степени характерны раскованность общения, способность к языковому творчеству, стремление к стилистическому разнообразию используемых средств.

Лексические особенности городской речи Саратова — тема статьи О. Б. Сиротининой. Она отмечает разговорные варианты названий улиц, микрорайонов, рынков, магазинов, театров, видов транспорта и др., указывает на отличительные черты речевых стереотипов: например, в устной речи саратовцев не представлен так называемый именительный темы, широко распространенный в других регионах функционирования РР, в вопросах типа: *Универмаг / не скажете как пройти?* По наблюдениям О. Б. Сиротининой, саратовцы придерживаются более «правильного», книжно-литературного варианта: *В универмаг <к универмагу> как пройти?*

В отличие от Саратова, где состав носителей русского литературного языка в национальном отношении достаточно гомогенен, в городе Элисте говорящими на русском литературном языке оказываются значительные по численности группы калмыков. Особенности этой ситуации рассматривает в своей статье З. С. Санджи-Гаряева.

Статья Н. И. Голубевой-Монаткиной, завершающая сборник, посвящена сопоставлению французского и русского просторечия. Это сопоставление ориентировано на выявление одинаковых свойств указанных разновидностей, таких, например, как связь с диалектами, отсутствие локально ограниченной, автормативности, принципиальное сходство (а иногда и тождество) ряда явлений в фонетике, морфологии, лексике, синтаксисе и др. Остается пожалеть, что малый объем статьи не позволил автору указать хотя бы некоторые характерные различия русского просторечия и французской

langue populaire, которые, несомненно, существуют и касаются как социальных характеристик носителей этих подсистем, так и особенностей функционирования каждой из них.

В целом рецензируемая книга производит исключительно благоприятное впечатление благодаря ряду своих достоинств, важнейшими из которых представляются следующие: единство взглядов авторов на сущность, функциональные свойства и типы городской устной речи; разнообразие и добротность материала, служащего для доказательства или иллюстрации тех или иных теоретических положений; внимание как к собственно лингвистическим характеристикам речи, так и к широкому спектру условий, формирующих коммуникативные ситуации, что позволяет по-новому интерпретировать многие речевые явления и обнаруживать в обычной речи такие свойства, которые до сих пор ускользали от исследователей.

Тем не менее некоторые места в рецензируемой книге вызывают вопросы, а кое-что — и несогласие с авторами.

Так, дифференцируя устную городскую речь на РР и просторечие, авторы ничего не говорят о социальных и профессиональных жаргонах, которые также являются формами преимущественно городского устного общения. Сделано ли это сознательно (т. е. авторы не считают жаргоны разновидностями городской речи) или же это результат «недосмотра»?

В ряде случаев можно было бы избежать терминологической нечеткости, которая запутывает читателя: например, на с. 43 в неясном смысле употреблено понятие «типическая концепция (?) адресата»; не совсем понятно, какая «ситуативно-речевая вариативность» может быть у «социального облика говорящего» (с. 71); вместо термина «пресуппозиция», который в современной лингвистике употребляется в достаточно определенном смысле, при анализе особенностей коммуникативного акта в просторечии (см. с. 161) уместнее было бы говорить о фоновых знаниях (и их неодинаковости у разных групп говорящих); на с. 230—231 в близком соседстве употреблены сочетания «языковые жанры», «ситуативные жанры», «речевые жанры», «малые жанры» — скорее всего (как можно понять по контексту) автор имел в виду одну и ту же сущность, и если это так, то подобная синонимия терминов вряд ли оправдана.

В интерпретацию некоторых явлений и фактов устной речи, как кажется, могут быть внесены уточнения и дополнения. Например, изменение типа речи зависит не только от смены установки на официальное/неофициальное общение (о чем говорится на с. 10), но и от характера социальных ролей говорящего и адресата (ср., например, типы речи, реализующиеся, с одной стороны, в общении учителя и ученика, а с другой — в беседе двух одноклассников, и т. п.). Среди отличительных языковых черт, свойствен-